

3. Кін Дж. Громадянське суспільство. Старі образи, нове бачення / Дж.Кін. – К.:КІС; АНОД, 2000. – 78 с.

4. Політологія: курс лекцій [Навчальний посібник]. – Т.: «Магнолія Плюс», 2004. – 236 с.

5. Шестаков А.В. Энциклопедический словарь экономики и права / А. В. Шестаков. – М.: Изд-во: Дашков и К, 2000. – 420 с.

6. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Р. Дарендорф // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 69–75.

7. Петров В.П. Комментарии к истмату. Избыточный продукт, стоимость, рыночная и плановая экономические системы. / В.П. Петров. – М.: НИИ «Геодезия», 2004. – 260 с.

8. Мельниченко А.А. Управління в вимірах гуманізму / А.А. Мельниченко // Вісник НТУУ «КПІ», Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2011. – Випуск 2. – С. 84.

9. Кириленко О.П. Місцеві бюджети України (історія, теорія, практика) / О.П. Кириленко. – К.: НІОС, 2000. – 384 с.

10. Матвеев М.Н. Является ли местное управление в России частью местного государственного управления? / М.Н. Матвеев // Вестник СамГУ. – 2005. – Т. 38. – № 4 – С. 24.

11. Белоцерковский В.В. Самоуправление: будущее человечества или новая утопия? / В.В. Белоцерковский. – М.: Интер-Версо, 1992. – 160 с.

12. Поляков В.А. Философия жизни / В.А. Поляков. – Москва, 2014. – 111 с.

13. Філософія права: підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів / О.Г. Данильян, О.П. Дзьобань, С.І. Максимов та ін. / За ред. д-ра філос. наук, проф. О.Г. Данильяна. – Х.: Право, 2009. – 208 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ткаченко Василий Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Киевского национального университета культуры и искусств

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tkachenko Vasily Ivanovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Law of the Kyiv National University of Culture and Arts

legal_ts@ukr.net

УДК 343.811

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ДЕЙСТВИЙ, КОТОРЫЕ ДЕЗОРГАНИЗУЮТ РАБОТУ УЧРЕЖДЕНИЙ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В УКРАИНЕ

Андрей ТКАЧЕНКО,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Аннотация

В статье исследуется субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 392 Уголовного кодекса Украины. Аргументируется положение о том, действия, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний в Украине, совершаются только с прямым умыслом; мотив и цель обязательны для установления по каждому факту такого преступления, поскольку являются разграничительными признаками от смежных преступлений. Так, в диспозиции ст. 392 УК Украины подчеркнута, что организованная группа создается с целью терроризирования осужденных, нападения на администрацию учреждения исполнения наказаний. Когда такая группа создается для другой цели, указанные действия не могут охватываться ст. 392 УК Украины.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, наказание, субъективная сторона, вина, умысел, мотив, цель.

SUBJECTIVE SIDE OF ACTION WHICH DESTROY THE WORK OF ESTABLISHMENT AGENCIES OF PUNISHMENT IN UKRAINE

Andrey TKACHENKO,

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines
of the Faculty of Law
of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

Summary

The article examines the subjective side of the crime under Art. 392 of the Criminal Code of Ukraine. The situation is argued that actions that disorganize the work of penal institutions in Ukraine are committed only with direct intent; Motive and purpose are mandatory for establishing for each fact of such a crime, since there are demarcation signs from related crimes. In the disposition of Art. 392 of the Criminal Code of Ukraine it is emphasized that the organized group is created for the purpose of terrorizing the convicts, an attack on the administration of the penitentiary institution. When such a group is created for another purpose – these actions cannot be covered by Art. 392 of the Criminal Code of Ukraine.

Key words: crime, crime, punishment, subjective side, guilt, intent, motive, purpose.

Постановка проблемы. Совершение со стороны осужденных действий, дезорганизующих работу учреждений исполнения наказаний, является не только опасным посягательством на цели и задачи правосудия и нормальную работу учреждений исполнения наказаний Украины, но и препятствует достижению цели наказания и, прежде всего, предотвращению совершения новых преступлений. В структуре пенитенциарной преступности среди преступлений против государства одно из ведущих мест

занимают действия, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний (ст. 392 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины).

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что, по данным Государственной судебной администрации Украины, в течение 2010–2016 гг. за совершение преступления, предусмотренного ст. 392 УК Украины, осуждено только 11 человек; в разрезе лет: 2010 г. – один человек, 2011 г. – ни одного, 2012 г. – два человека, 2013 г. – ни одного, 2014 г. – один

человек, 2015 г. – два человека, 2016 г. – пять человек. Очевидно, что количество осужденных явно диссонирует с реальной картиной пенитенциарной преступности.

Состояние исследования. Теоретическим и практическим основанием исследования указанных проблем стали работы известных отечественных и зарубежных ученых в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, в частности: Ю.В. Баулина, О.М. Бандурки, И.Г. Богатырева, В.В. Василевича, В.К. Грищука, В.В. Голины, А.Н. Джужы, В.М. Дремина, Т.А. Денисовой, В.П. Емельянова, З.В. Журавской, А.Ф. Зелинского, А.Г. Колба, И.Н. Копотун, А.Н. Костенко, А.Н. Литвинова, В.А. Навроцкого, Ю.В. Орла, В.И. Осадчего, Н.И. Панова, А.И. Плужник, А.В. Савченко, В.В. Сташиса, Е.Л. Стрельцова, В.Я. Тация, В.П. Тихого, П.Л. Фриса, С.И. Халимона, В.Б. Харченко и др. Отмечая несомненную значимость ранее проведенных исследований, вместе с тем представляется, что они не исчерпывают круг вопросов, требующих своего решения.

Целью и задачей статьи является исследование субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 392 УК Украины, наработка на этой основе рекомендаций для усовершенствования применения нормы на практике.

Изложение основного материала. В диспозиции ст. 392 УК Украины не содержится четкого прямого указания на умышленное или неосторожное отношение виновного к совершению действий, которые дезорганизуют работу учреждения исполнения наказаний, а поэтому форма вины должна быть установлена путем анализа признаков состава этого преступления. Однако понятийный аппарат и терминология, используемые в этой статье, указывают на умышленную форму вины при совершении преступления.

Включая последствия в круг признаков состава преступления, законодатель тем самым не требует установления характера их предсказания. Последствия при совершении преступления, предусмотренного ст. 392 УК Украины, заключаются в причинении вреда объекту посягательства – общественным отношениям,

возникающим по поводу установленного порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения или ограничения свободы. Эти последствия находятся за пределами состава преступления, но они всегда есть. Поэтому, по нашему мнению, форму вины преступления, предусмотренного ст. 392 УК Украины, мы должны определять по отношению субъекта к совершению предусмотренного статьей уголовного закона деяния. В связи с этим действия, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний, как и любое другое преступление с формальным составом, не могут быть совершены с косвенным умыслом, поскольку отношение в виде «не желал, но сознательно допускал» применимо только к последствиям.

Осознание общественно опасного характера деяния определяет процессы, которые протекают в сфере сознания, поэтому они составляют интеллектуальный признак прямого умысла. Желание совершить деяние обуславливает волевую сторону психической деятельности, поэтому оно образует волевой признак прямого умысла.

И.П. Лановенко подчеркивал, что интеллектуальным и волевым признакам умысла присуща тесная, можно сказать, органическая связь, поскольку воля не только взаимодействует с сознанием, следует из нее, но и, в полном смысле этого слова, опирается на нее [1, с. 169].

Интеллектуальные и волевые признаки умысла глубоко связаны между собой, они взаимодействуют, образуя форму вины. Но им присущи и специфические особенности. Так, А.Ш. Якупов отмечает: когда интеллектуальные признаки умысла отвечают на вопросы, фактические обстоятельства, которые входили в состав конкретного преступления и были осознаны виновным, то волевые признаки отвечают на вопрос о том, как относилось лицо к тому, что им осознавалось [2, с. 118].

Субъект, совершая действия, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний, осознает, что нарушает режим отбывания наказания в учреждениях исполнения наказаний, их вредность для реализации такими учреждениями поставленных перед ними задач. То есть, нарушая режим отбывания наказания в учреждениях исполне-

ния наказаний, субъект осознает общественную опасность своих деяний.

Не отрицая, в принципе, и такую точку зрения со стороны психического отношения, субъект исследуемого нами преступления осознает не только фактические признаки деяния, но направленность собственных действий на причинение вреда деятельности учреждений исполнения наказаний. Кроме этого, субъект осознает не только общественную опасность своего деяния, но и его противоправность. С юридической стороны следует отметить, что в этом случае действует принцип *ignorantia juris non excusat*, то есть презумпция знания законодательства, которая закреплена в ст. 68 Конституции Украины.

Так, в месте предварительного заключения арестованному в соответствии с Законом Украины «О предварительном заключении», разъясняются его права и обязанности. В частности, обязанность соблюдать режим в местах предварительного заключения, основными требованиями которого являются изоляция лиц, взятых под стражу, постоянный надзор за ними, раздельное содержание, а любые противоправные действия запрещены и наказуемы. А потому, в случае побега, заключенный осознает не только фактически содеянное, но и общественную опасность своих действий, и, соответственно, их запрет уголовным законодательством.

Осужденный к лишению или ограничению свободы также понимает, что определенный срок он должен находиться в учреждении исполнения наказаний. По прибытию в учреждения исполнения наказаний, согласно абз. 7 ст. 1 Раздел II Правил внутреннего распорядка учреждений исполнения наказаний, его предупреждают об ответственности за нарушение режима отбывания наказания, что является основным средством исправления и перевоспитания осужденных [3]. Осужденному, которому разрешен краткосрочный выезд за пределы учреждения исполнения наказаний, разъясняют правила поведения, а также предупреждают об уголовной ответственности в случае невозврата или несвоевременного возврата в учреждение.

В ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) Украины пря-

мо определено, что осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, порядок и условия исполнения и отбывания назначенного судом наказания, а администрация учреждения обязана предоставить такую информацию.

Итак, осужденный, отбывающий наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы, знает требования режима отбывания наказания, меры реагирования за его нарушение. Поэтому, совершая действия, которые дезорганизуют работу учреждения исполнения наказаний, он осознает их общественную опасность, знает об их запрете в законе об уголовной ответственности, то есть действует с прямым умыслом. Поскольку исследуемый нами состав преступления является формальным, поэтому психические (внутренние) процессы охватывают только действие. Последствия совершенного осужденным или взятым под стражу лежат за рамками состава преступления.

Мотив и цель преступления, предусмотренного ст. 392 УК Украины, не является необходимым признаком его состава. Однако даже в этом случае мотив имеет достаточно весомое практическое значение благодаря решающему социально-психологическому и моральному содержанию. Так, А.В. Савченко отметил, что мотиву принадлежит решающая практическая роль в уголовном праве Украины. Мотив учитывается при определении характера общественной опасности совершенного деяния и степени общественной опасности лица, при осуществлении процесса квалификации преступлений, при назначении вида и размера наказания, при определении осужденному режима содержания в местах лишения свободы, при применении мер по исправлению осужденных и т. д. [4, с. 73–74].

П.Л. Фрис считает, что уголовно-правовое значение мотива, цели и эмоционального состояния заключается в том, что, входя в структуру субъективной стороны состава преступления, они подлежат доказыванию в ходе досудебного расследования в уголовном производстве и должны быть учтены при вынесении обвинительного приговора. Также он отмечает, что в некоторых случаях, когда указанные

характеристики имеют особое значение для определения преступного деяния и личности виновного, они используются законодателем для конструирования квалифицированных (особенно квалифицированных) или привилегированных составов преступлений, а также учитываются как признаки, смягчающие или отягчающие наказания. Когда мотив, цель или эмоциональное состояние непосредственно указаны в диспозиции нормы Особенной части УК, они приобретают обязательное значение и становятся конструктивными элементами состава конкретного преступления. В этом случае их отсутствие свидетельствует и об отсутствии соответствующего состава преступления в целом [5, с. 155].

Однако, по нашему мнению, отсутствие прямого указания в диспозиции уголовно-правовой нормы на мотив или цель еще не означает, что соответствующие признаки состава преступления не относятся к обязательным, в частности, мотив, цель могут включаться в другие признаки, а также мотив, цель могут предполагаться не текстуально, а контекстуально (например, корыстный мотив и цель в так называемых «хищениях»). В частности, мы полностью согласны с Л.Н. Кривоченко, что мотив и цель, в зависимости от законодательного описания субъективной стороны конкретных преступлений, могут выполнять роль обязательных, квалифицирующих (особо квалифицирующих), привилегированных признаков или признаков, смягчающих или отягчающих наказание [6, с. 173].

Интересным представляется мнение Д.И. Масол, что наличие мотива в юридическом составе преступления как его обязательного или альтернативного элемента практически всегда свидетельствует об умышленном характере преступления. Соответствующий мотив может иметь место и при совершении неосторожного преступления, но он в этом случае не включается в состав преступления [7, с. 70].

По нашему мнению, наиболее удачным является определение мотива преступления, которое было дано В.И. Борисовым. Он считает, что мотив преступления – это внутреннее побуждение, движущая сила поступка человека, которая определяет его содержание и помогает более глубоко раскрыть

психическое отношение лица к совершенному [8, с. 182].

Мотив преступления следует отличать от его цели. Цель – это представление о желаемом результате, которого стремится достичь лицо, определяющее направленность деяния. Цель преступления – это представление о его общественно опасном последствии, о том вреде, осознании виновности. Мотив и цель являются самостоятельными психологическими признаками субъективной стороны, но они взаимозависимы, взаимосвязаны и только в своем единстве могут дать полное представление о направленности поведения личности [8, с. 182–183]. Цель – это предусмотренный и желаемый результат действия, который приближает субъекта к удовлетворению актуальной мотивосозидательной потребности [9, с. 40].

Рассматривая соотношение мотива и цели деятельности, С.Л. Рубинштейн отмечал, что они могут совпадать, а могут и нет, однако такую оговорку он делал по признакам именно деятельности, а не отдельных действий, мотив которых он видел в отношении задачи, которую нужно решить, цели и обстоятельств – условий, при которых действие возникает [10, с. 466]. Таким образом, можно отметить, что в психологии существует позиция, стремление человека к выбранной им цели, что обуславливает выбор варианта поведения и осуществления отдельных актов (действий или бездействий), из которых цель состоит, то есть мотива.

Если использовать такое определение мотива и цели действий (бездействия) в их соотношении в уголовном праве, можно сделать вывод, что цель действия или бездействия обуславливает содержание мотива.

Б.С. Волков и другие ученые отмечают, что разница между мотивом и целью заключается в том, что они по-разному характеризуют волевой процесс, выражая разные стороны его содержания. Мотив отвечает на вопрос, почему человек так делает, чем он руководствовался при совершении преступления, цель же определяет направленность деяния, результат, к которому человек стремился [11, с. 84].

П.С. Дагель отмечает, что хотя мотив и цель преступления тесно связаны между собой и не могут существовать

друг без друга, они не совпадают. Если мотив характеризует субъективную причину, психический источник преступления, цель характеризует направленность действий виновного [12, с. 158]. Из этого можно сделать вывод, что цель преступления – это идеальный образ желаемого, будущего результата, к которому стремится лицо, совершая преступление.

Все мероприятия полностью распространяются на всех осужденных, отбывающих наказание в местах ограничения или лишения свободы. Однако, как показывает судебная практика, часть осужденных таким мерам в полной мере не подвергаются, а некоторые, несмотря на всяческое противодействие, еще и принимают все возможные меры, чтобы таким средствам исправительного воздействия не подвергались другие осужденные. Иначе говоря, появление осужденных, которые становятся на путь исправления, соблюдают требования режима как результат деятельности работников учреждения исполнения наказаний, вызывает недовольство со стороны осужденных, игнорируют требования режима отбывания наказания. И, терроризируя осужденных, субъект желает добиться того, чтобы эти осужденные отказались от правомерного поведения [13].

Итак, внутренней причиной терроризирования осужденных является факт недовольства их исправлением и поведением, соответствующим требованиям режима отбывания наказания, а целью терроризирования – заставить осужденных отказаться от требований режима.

Мы разделяем мнение А.И. Плужник, что во время терроризирования осужденных оказывается преступное влияние на потерпевших. Такое воздействие осуществляется, чтобы заставить осужденных не соблюдать требования режима отбывания наказания [14, с. 170]. Как видим, порядок и условия отбывания наказания ставятся под угрозу нарушения, когда потерпевший, опасаясь насилия над собой со стороны других осужденных, не выполняет законных требования, которые ему предъявляются. Как следствие – режим отбывания наказания нарушается, а цель наказания не достигается.

В том случае, когда насилие в отношении осужденного применено по

другим мотивам, например, личным, и преследует другую цель, в наличии – преступление против личности.

В своей работе А.П. Романов определил месть как добросовестное выполнение осужденными своих обязанностей или общественного долга как наиболее распространенный мотив совершения действий, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний [15, с. 60]. Также интересна мысль о том, что мотивом терроризирования осужденных может быть стремление к паразитическому существованию, отступление от «воровских традиций» и становление на путь исправления или месть за отказ совершить преступление или быть соучастником преступления, или уход от участия в преступной группе для совершения преступления и становления на путь исправления. В то же время А.П. Романов к мотивам терроризирования отнес желание запугать осужденных, которые стали на путь исправления, и заставить их отказаться от выполнения своих обязанностей или общественного долга [15, с. 62].

И.М. Данышин предоставил более широкий перечень мотивов совершения действий, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний, а именно: корысть, месть, хулиганские побуждения, паразитизм, недовольство требованиями администрации по соблюдению правил режима и др. Мотивы не влияют на квалификацию содеянного [16, с. 75].

К сожалению, с таким мнением мы согласны частично, отдельно отметив, что мотив при квалификации действий, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний, важен, поскольку нанесение побоев, причинение телесных повреждений и другие действия, совершенные на почве ссор, личных отношений виновного с потерпевшим, не могут быть квалифицированы как терроризирование осужденных.

На наш взгляд, при терроризировании осужденных мотивы могут быть различными, однако основополагающим для всех является мотив недовольства и неповиновения требованиям режима учреждения исполнения наказаний. Ведь именно он и определяет квалификацию деяния как терроризирование осужденных.

В контексте сказанного правильной считаем позицию Б.С. Волкова о том, что в случаях, когда преступление совершается со смешанными мотивами, задача состоит в том, чтобы из многих побуждений выделить то, которое бы имело выдающееся значение в поведении, играло решающую роль в выборе поступка, в соответствии с которым должны быть даны оценка и квалификация совершенного преступления. Такое решение в полной мере отвечает логике поступка и роли мотивов в волевом процессе, через который он совершается [17, с. 85].

Мотив недовольства требованиями режима в учреждении исполнения наказаний может проявляться как месть за добросовестное выполнение осужденным обязанностей, его общественно полезную деятельность в прошлом или в настоящее время или как недовольство попыткой соблюдения режима отбывания наказания в будущем.

Будучи недовольным фактом исправления осужденного, субъект терроризирования, как справедливо заметил А.П. Романов, стремится запугать потерпевшего, заставить его отказаться от соблюдения требований режима отбывания наказания. В то же время субъект преступления может преследовать и другие цели, однако определяющей же будет только та, которая обусловлена основным мотивом.

Выводы. Итак, во время нападения на администрацию учреждения исполнения наказаний представитель администрации фактически лишается возможности выполнять свои служебные обязанности по исправлению осужденных. В такой ситуации укрепление представителем администрации правопорядка в учреждениях исполнения наказания, проведения целенаправленной воспитательной работы среди осужденных не происходит в полной мере. Более того, нападение на администрацию порождает в других осужденных страх, недоверие к возможностям администрации, а в итоге приводит к нереализации полностью или частично порядка и условий отбывания наказания в учреждениях исполнения наказания.

В самой диспозиции ст. 392 УК Украины подчеркнута, что организованная группа создается с целью терроризирования осужденных, нападения

на администрацию учреждения исполнения наказаний. Когда такая группа создается для другой цели, указанные действия не могут охватываться ст. 392 УК Украины.

Организация группы в исправительном учреждении с целью терроризирования осужденных, нападения на администрацию или активное участие в такой группе также в полной мере противоречит режиму отбывания наказания. В учреждениях исполнения наказания допускаются самостоятельные организации осужденных. Однако они создаются с целью развития навыков коллективизма у осужденных, поощрения их полезной инициативы, использования влияния коллектива на исправление и ресоциализацию осужденных. Такие организации работают под руководством администрации. Создание и функционирование организованной группы направлено на подрыв режима отбывания наказания. Активное участие в организованных группах, созданных для терроризирования осужденных, нападения на администрацию, включает в себя те же мотив и цель, о которых говорилось выше.

Список использованной литературы:

1. Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая / [Ф.Г. Бурчак, И.П. Лановенко и др.]; Отв. ред. Ф.Г. Бурчак – К. : Наукова думка, 1985. – 447 с.
2. Уголовное право УССР. Общая часть / Под ред. В.В. Сташиса и А.Ш. Якупова. – К. : Вища школа, 1984. – 382 с.
3. Про затвердження Правил внутрішнього розпорядку установ виконання покарань : Наказ Міністерства юстиції України № 2186/5 від 29. 12. 2014 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/rada/show/z0990-14/paran19#n19>.
4. Савченко А.В. Мотив і мотивація злочину : [моногр.] / А.В. Савченко. – К. : Атіка, 2002. – 144 с.
5. Фріс П.Л. Кримінальне право України. Загальна частина : підручник для студентів вищих навчальних закладів / П.Л. Фріс. – К. : Атіка, 2004. – 488 с.
6. Кримінальне право України: Загальна частина : підруч. / [Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, В.І. Тютюгін та ін.]; за ред. проф. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – 4-те вид, переробл. і допов. – Х. : Право, 2010. – 456 с.
7. Масол Д.І. Кримінально-правове значення мотиву злочину / Д.І. Масол // Європейські перспективи. – 2013. – № 11. – С. 67–74.
8. Кримінальне право України. Загальна частина : підручник / [В.І. Борисов, В.Я. Тація, В.І. Тютюгін та ін.]; за ред. В.Я. Тація, В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. – 5-е вид., перероб. і допов. – Х. : Право, 2015. – 528 с.
9. Зелінський А.Ф. Оніка Л. П. Детермінація злочину : [навч. посіб.] / А.Ф. Зеленський. – Х. : Укр. юрид. акад., 1994. – 52 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2001. – 720 с.
11. Волков Б.С. Проблемы воли и уголовная ответственность / Б.С. Волков. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1965. – 136 с.
12. Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые зап. Дальневосточ. гос. ун-та. – Владивосток: Дальневосточ. гос. ун-т. – 1968. – Вып. 21. – Ч. 1. – 187 с.
13. Плужнік О.І. Кримінальна відповідальність за порушення режиму відбування покарання у виправних установах та тримання під вартою : дис. ... канд. юрид. наук за спец. 12. 00. 08. / О.І. Плужнік. – К., 2003. – 201 с.
14. Плужнік О.І. Актуальні проблеми кримінально-правового захисту діяльності працівників ВТУ / О.І. Плужнік // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – 2000. – № 1. – С. 169–172.
15. Романов А.П. Уголовно-правовая борьба с действиями, дезорганизующими работу ИТУ: [Учеб. пособие] / А.П. Романов. – Рязань: НИиРИО РВШ МВД СССР, 1975. – 99 с.
16. Курс лекций по криминологии : [учеб. пособие] / Под ред. И.Н. Даньшина, В.В. Голины. – Изд. второе. – Харьков : Одиссей, 2007. – 280 с.
17. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Волков Б.С.; науч. ред. : Лысов М.Д. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ткаченко Андрей Владимирович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tkachenko Andrey Vladimirovich – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines of the Faculty of Law of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

konradboy11@gmail.com